

Образ учителя русской гимназии XIX - начала XX вв. в литературе

Г. Н. Козлова, (с)

Еще в первом уставе гимназий говорилось: "В обращении с учениками учитель должен быть мягким и выдержанным". "Первою заботой учителя должно быть то, чтобы вызнать свойства и нравы детей, дабы можно было лучше управлять ими" [1, с. 22 - 24].

Общие стандарты взаимоотношений всегда преломлялись сквозь призму индивидуальных особенностей и личных качеств учителей. Ценным источником педагогической информации о деятельности педагогов является художественная и мемуарная литература. С.Т.Аксаков в автобиографической повести "Гимназия" показал казанских учителей начала XIX в. Образы нижегородских наставников середины XIX в. запечатлел в романе "В путь-дорогу!" П.Д.Боборыкин. В 60-е гг. в Ровенской гимназии учился В.Г.Короленко, автор "Истории моего современника". В это же время в Одесской гимназии обучался Н.Г.Гарин-Михайловский, автор "Гимназистов". С конца 60-х до конца 70-х гг. в Таганрогской гимназии преподавал А.П.Чехов, нарисовавший сатирический портрет учителя Беликова ("Человек в футляре"). Богатую галерею литературных образов педагогов гимназии конца XIX в. оставили нам в своем творческом наследии К.И.Чуковский, Ф.К.Сологуб, К.Г.Паустовский, П.П.Блонский. Нюансы гимназического воспитания начала XX в. представил М.Агеев ("Роман с кокаином"). Пеструю картину гимназической жизни мастерски запечатлел Л.А.Кассиль ("Кондуит и Швамбрания").

По заключению В.А.Трояновского, "объем художественной информации об искусстве воспитания, педагогической профессии, личности воспитателя, если выразить в числе книжных страниц, превышает габариты собственно научной информации" [2, с. 4]. Особую ценность и специфику художественной информации обозначил А.В.Предтеченский, подчеркнувший, что "в историческом источнике исследователь имеет дело с единственным и неповторимым, в художественном произведении - с обобщенным образом" [3, с. 84]. В большинстве художественных произведений фигура учителя показана сквозь призму впечатлений ученика. Мотивы поступков педагогов сохранились в их воспоминаниях. Сопоставление мемуаров "учеников и учителей" позволяет выделить как субъективное, индивидуально-неповторимое, так и типичное, распространенное в поведении и отношениях наставников.

Естественно, нередко характерологические особенности учащихся сочетались с некоторым несовпадением их педагогических взглядов. Среди образов педагогов, представленных в художественной и мемуарной литературе, с большой долей условности можно выделить три типа: "консерватор", "чиновник", "прогрессист". Между ними имеет место множество как бы переходных типов.

Учитель-"консерватор": существующие нормы для него - догма, нечто святое. Он настаивал перед любым, даже незначительным, отступлением от установленных правил. Требования начальства исполнял ревностно, искренне, всецело подчиняясь им. Он беспрекословно следовал данным гимназии предписаниям и от детей требовал такого же

отношения к наставлениям взрослых. Его внешний облик и характерное в поведении: тщательно вычищенный вицмундир, спокойствие, самообладание, беспристрастие.

На практике эта позиция нередко доводилась до абсурда. В воспоминаниях П.П.Блонского упоминается факт: однажды ученик пришел в гимназию без ранца, так как ему в этот день ничего не нужно было приносить. Учитель, не слушая оправданий ученика, горячо возражает ему: "Ничего-с, обязаны были и пустой ранец принести" [4, с. 38].

Такое отношение вызывало у детей критический настрой, настороженность и недоверие к словам и поступкам учителя.

стр. 67

Рассыпанные во множестве реальных прототипов черты такого педагога А.П.Чехов сконцентрировал в сатирическом образе Беликова. Главное в нем - отчужденность от жизни, панический страх перед какими-либо изменениями. "Когда в циркуляре запрещалось ученикам выходить на улицу после девяти часов вечера, то это было для него ясно, определено: запрещено - баста. В разрешении же и позволении скрывался для него всегда элемент сомнительный". Казенный язык с претензией на высокопарность обнажал уродство этой личности. Стремление учителя-"консерватора" к точному исполнению постановлений и распоряжений обеспечивало ему господствующую позицию в педагогическом совете гимназии. На педсоветах он "угнетал" свою мнительностью, давил на всех, и мы уступали, сбавляли Петрову и Егорову балл по поведению, сажали их под арест и, в конце концов, исключали и Петрова, и Егорова" [5, с. 100, 101].

Другой широко распространенный тип - "чиновник". Это учитель, который соблюдал все свои обязанности, но с большой долей формализма. Казенно-рутинное отношение к делу отрицательно сказывалось на его педагогическом авторитете. Учащиеся видели противоречие между образом жизни педагога и теми идеалами, которые он провозглашает: "Есть ли возможность делать какое бы то ни было дело, когда вы видите, что это дело никто не любит? На кафедре сидит учитель, мне только и видно, что на нем вицмундир надет, что он чиновник, а больше ничего, да каждый из них чиновник и есть. Час свой отсидит, и довольно. Ведь коль семь лет фигуру-то эдакую перед собой видишь, какая же любовь к науке родится?" [6, с. 97].

Интуитивно улавливая несоразмерность огромного влияния на гимназистов социальных факторов и слабое влияние педагогических усилий, "чиновник" достаточно хорошо понимал свою беспомощность. Он не лишен был проницательности, чувствовал ограниченность некоторых норм школьной жизни, но не проявлял недовольства и тем более инициативы. Свою педагогическую задачу он видел в поддержании "статус-кво" сложившейся системы воспитания, не допуская каких-либо отклонений от порядка, установленного государственно-правовыми нормами.

Как правило, такой педагог был индифферентен к вопросам политики, не имел особых жизненных пристрастий и четкой социальной ориентации. Ученики чувствовали его "отчаянную ненависть и к учительскому труду, и к тому вертограду, который он должен был насаждать" [7, с. 402]. "Чиновник" обычно требовал точного соблюдения всех формальных принципов в жизнедеятельности школы, не заботясь о том, как это сказывается на духовном мире воспитанников.

Он мог пренебрегать отдельными нормами школьной жизни: допускать на уроках разговоры на посторонние темы, откликаться на не относящиеся к теме занятий вопросы учащихся, мириться с чтением гимназистами посторонних книг на уроке.

При грубых нарушениях школьниками норм поведения "чиновник" мог не делать запись о них в "кондуитную книгу". Не наказывая гимназистов, он нередко сам терпел обиду от них. Не церемонясь с учащимися младших классов, он в то же время нередко был чрезмерно почтителен к старшеклассникам, заискивал перед авторитетными в товарищеской среде воспитанниками.

Учитель-"чиновник" с верноподданическим отношением к властям предрешающим запечатлен в образах Передонова (Ф.К.Сологуб "Мелкий бес"), Бурмейстера (К.И.Чуковский "Гимназия. Воспоминания детства").

К типу "чиновника" можно отнести и школьных надзирателей, широко представленных в воспоминаниях бывших гимназистов. Они, как правило, имели в гимназическом обиходе уменьшительные имена или клички: "Надзиратель Заяц - сам всего до смерти боится, но ябедничает, доносит, нашептывает" [8, с. 172]. Низкий социально-педагогический статус, отсутствие принципиальной и самостоятельной позиции надзирателей в вопросах воспитания, применение двойных стандартов к учащимся в зависимости от степени влиятельности их семейств - все это было характерным для фигуры "педеля", как полунасмешливо, полупрезрительно именовался у гимназистов школьный надзиратель.

стр. 68

У К.И.Чуковского в его воспоминаниях можно встретить следующий сюжет: когда сын юрисконсульта нескольких банков совершил серьезный проступок, то "Прошка, проходя по коридору, увидел издали все происшедшее, но вместо того, чтобы тотчас же наказать шалопая, предпочел юркнуть в учительскую и отсидеться там до самого звонка" [9, с. 84].

Третий, любимый гимназистами тип учителя - "прогрессист", как нередко называли его учащиеся. Его характерные черты - уважение к гимназическим традициям в сочетании с признанием новых веяний времени, понимание и объяснение сущности нового, любовь к преподаваемому предмету.

В допустимых пределах такой педагог игнорировал устаревшие нормы школьной жизни. Например, если он отрицал религиозное мировоззрение, то старался уходить из класса сразу после занятий или приходил в гимназию непосредственно к уроку, чтобы не контролировать молитву, читаемую в начале и конце учебного дня.

"Прогрессивный" учитель, как правило, явно или скрыто вносил в учебно-воспитательный процесс новые общественно-политические идеи, что проявлялось большей частью в выборе произведений для чтения и в изложении отрывков из разных книг и статей. Так, в воспоминаниях учащихся 3-й Санкт-Петербургской гимназии говорится, что революционно-демократические настроения гимназистов складывались под влиянием уроков преподавателей словесности Н.П.Корелкина и И.Ф.Дозе [10, с. 38].

Такие учителя занимались не столько теорией литературы, сколько чтением и анализом произведений И.С.Тургенева, А.Н.Островского, Н.А.Некрасова, Т.Г.Шевченко, Л.Н.Толстого. Такая направленность "вызывала совершенно особый душевный настрой,

который непреднамеренным контрастом оттенял и подчеркивал бытующий строй гимназической жизни. И это было сильней прямой критики".

В большинстве художественных произведений и воспоминаний выпускников гимназий любимыми учителями показаны словесники. Для К.Г.Паустовского таким был учитель латинского языка Субоч. Его страстность, энергия, своеобразная манера ведения занятий, заразительная любовь к преподаваемому предмету, сердечное отношение к гимназистам действовали на всех неотразимо.

Своего преподавателя словесности (Науменко) В.Г.Короленко описал так: "Уроков он не задавал, да почти никогда и не спрашивал. Отметки ставил по результатам сочинений и по общему впечатлению... Знания приходили сами, благодаря стремлению к ним - не те знания, которые только на языке и которые можно отбарабанить в пять-десять минут по учебнику, но несравненно более глубокая ориентированность. Авторитет его был огромен, влияние сказывалось долго и после выхода из гимназии" [11, с. 44].

В целом общая картина гимназических отношений имела авторитарный характер, особенно в сфере отношений учащихся и учителей с администрацией. Л.А.Кассиль вспоминал: "Директор Ювенал Богданович Стомолицкий был худ, высок, негибам и тщательно выгужен. Глаза у него были крупные, тяжелые, оловянные. За это прозвали его "Рыбий глаз". Больше всего "Рыбий глаз" любил муштровку, тишину и дисциплину. Всюду, где бы он ни появлялся, будь то класс или учительская, стихали разговоры: все, встав, напряженно молчали. Становилось душно. Хотелось открыть форточку, громко кричать" [12, с. 54].

Другой современник, характеризуя гимназическую жизнь, писал: "Когда я вспоминаю случайно замеченную сцену, как к засидевшемуся лишние пять минут в учительской преподавателю подошел старик-инспектор и ворчливо- извительно сказал: "Пора в классы, пора!" - и как робко вскочил с места учитель и побежал в класс, - я сознаю, что в атмосфере старой бурсы задыхались не только мы, маленькие гимназисты" [13, с. 29].

Воспитанник Нижегородской гимназии 60-х гг. Н.А.Карякин, ставший в 1897 г. директором Калужского реального училища, отмечал, что школьники воспринимали учителей исключительно "в вицмундирном фраке, так сказать, в футляре". Нередко в своих наставниках они видели обыкновенных людей, которым бывают свойственны лень, безразличие к своим

стр. 69

обязанностям, случается "обманывать свое начальство, стараясь, как говорится, залежалый товар показать как самый свежий" [14, с. 152].

На педагогическую деятельность учителя гимназии влияли строгая субординация отношений, зависимость от местных властей, школьной администрации, окружных инспекторов. Все это обусловило соответственное поведение преподавателей, точно переданное в воспоминаниях И.И.Печникова: "Весь совет дано уже отвык от возражений директору. Никто из учителей не сомневался в том, что они возможны; но каждый давно порешил, что из-за каких-нибудь пустяков не стоит нарушать обычное спокойствие. Если бы от этого можно было иметь какие-нибудь выгоды, тогда, пожалуй, отчего бы и не поспорить, а то наделаешь себе только хлопот. Из-за какой-нибудь отметки выставят с дурной стороны высшему начальству, лишат награды или забудут представить вовремя к чину" [15, с. 493].

Однако далеко не все учителя, как писал Е.В.Белявский, работавший учителем, инспектором, директором гимназии, ощущали себя мелкой частицей социально-педагогического механизма. Примечательно, что его воспоминания относятся к 70-м гг. XIX в., когда государственная регламентация деятельности учителя достигла апогея: "О педагоге есть самое правильное и самое беспристрастное мнение - это мнение самих учеников. Ученики же разносят славу о педагоге по семьям своим и, значит, по всему городу. С этим общественным мнением нельзя не считаться начальству, и выжить из гимназии любимого учениками учителя не совсем-то легко, по крайней мере, не совсем удобно.

От этого учитель может быть совсем независим от начальства, с которым он может и не иметь почти никакого дела: некоторые материальные уколы, вроде убавления уроков, учитель довольно легко может перенести, заменяя уроки в гимназии частными уроками" [16, с. 233].

Воспоминания бывших гимназистов XIX - начала XX вв. хранят образы педагогов, которым свойственны увлеченность своим делом, живое движение души, яркость и своеобразие характеров, чуткость к людям, способность понять особенности детства и юности, разделить их сомнения, тревоги и помыслы. Главное, что отмечает художественная и мемуарная литература в работе "любимых учителей" - побуждение учащихся к саморегуляции поведения, к самосовершенствованию, возбуждение интереса к науке, воспитание доверительного и ответственного отношения к научному знанию.

Литература

1. Устав учебных заведений, подведомственных университетам. Б.м. 1804.
2. Трояновский В.А. Учитель в художественной литературе. Красноярск, 1984.
3. Вестник Ленинградского университета. 1964. ? 14.
4. Блонский П.П. Мои воспоминания. М., 1991.
5. Чехов А.П. Человек в футляре. Повести и рассказы. М., 1979.
6. Боборыкин П.Д. В путь-дорогу! Т. 1. СПб., 1864.
7. Гарин-Михайловский Н.Г. Гимназисты. М., 1988.
8. Учитель в русской художественной литературе. М., 1927.
9. Чуковский К.И. Гимназия. Воспоминания детства. М. - Л., 1940.
10. Историческая записка 50-летия 3-й СПб. гимназии. СПб., 1876.
11. Короленко В.Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. Л., 1990.
12. Кассиль Л.А. Кондуит и Швамбрания. М., 1985.
13. Крашенинников Н. Восемь лет. Воспоминание о гимназии. М., 1907.
14. Анисенкова А.К., Балака Д.А. Нижегородские годы семьи Ульяновых. Горький, 1981.

15. Журнал для воспитания. 1857. ? 33.

16. Белявский Е.В. Педагогические воспоминания. 1861 - 1902 гг. М., 1905.

стр. 70